

Ф. Н. Двинятин
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
f.dvinyatin@spbu.ru.

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ГРАММАТИКА И ПОЭТИКА ЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье приводятся данные по количеству и составу личных форм глагола в «Гусли доброгласной» Симеона Полоцкого, двадцати торжественных одах Ломоносова и десяти одах Державина. Выявлено около 850 личных форм у Симеона, около 2700 у Ломоносова и около 1650 у Державина. Доля форм прошедшего времени равна соответственно 25,1%, 21,4% and 23,5%. У Симеона несколько меньше форм настоящего времени, чем у поэтов XVII века: 42,8% против 50,6% и 49,5%. Эти итоги любопытно сопоставить с данными по поэтам первых десятилетий XIX века: Батюшкову («Опыты в стихах и прозе» без «Странствователя и домоседа», примерно 1650 личных форм), Пушкину (100 стихотворений, примерно 2400 форм), Лермонтову (50 стихотворений, более 100 форм), Тютчеву (100 стихотворений, около 930 форм) и Бенедиктову (48 стихотворений из сборника 1835 года, около 1000 форм). В текстах XVIII века содержится примерно по 40% форм прошедшего времени: соответственно у пяти поэтов 41%, 39,5%, 41%, 44,5%, 41%. Близки также доли настоящего времени: 34,5%, 37%, 39%, 40,5%, 36,5%. Обсчитаны также стихотворения Бродского («Часть речи» и первая часть «Урании», около 1710 форм), у которого доли прошедшего и настоящего времени (23% и 56%) возвращаются к показателям Ломоносова и Державина.

Ключевые слова: грамматика, поэтика, структура текста, глагол, поэзия, количественная грамматика поэтического текста.

По-видимому, невозможно указать какие-либо грамматические закономерности или стандарты, которые были бы справедливы для всех поэтических текстов. Всегда отыщется какое-нибудь исключение: текст безглагольный, как «Шепот, робкое дыханье...» Фета, или практически полностью состоящий из определенных форм имени прилагательного, как «Все кругом» («Страшное, грубое, липкое, грязное...») Гиппиус, или вообще из аграмматических элементов, как «Дыр бул щыл...» Крученых. Но и обычные, не-экспериментальные (в грамматическом отношении)

поэтические тексты являются настолько разнообразными по используемой грамматике — что доказывает языковую свободу поэтического творчества (с одной стороны) и гибкость и разнообразие грамматики (с другой стороны) — что, оставаясь на уровне отдельных стихотворений, сколько-нибудь четкие закономерности массового порядка сформулировать чрезвычайно трудно.

Однако, переходя к массивам и корпусам текстов — подобранным по автору, или по жанру, или по эпохе, или, в отдельных случаях, сформированным для представления поэтической традиции во всей ее полноте — уже можно наблюдать грамматические закономерности и стандарты, нередко прямо-таки поражающие своей устойчивостью и воспроизводимостью. Объектом наблюдения во всех таких случаях оказывается не отдельный текст (и тем более не его еще более дробные составные части — строфы, строки и т.д.), а область суммирующих и результирующих (скорее чем усредненных) данных по взятому корпусу. Отдельные тексты, отдельные фрагменты текстов не только могут отклоняться от стандарта — они почти непременно часто отклоняются в одну или другую сторону — но данные по разным родственным корпусам могут демонстрировать примечательную солидарность.

Так, в специальном исследовании подсчитывались доли (взятые в слоговом исчислении: сколько слогов текста занято какими формами) укрупненных частей речи: существительных (с субстантивными местоимениями), глаголов (личных, инфинитивов, деепричастий и страдательных причастий в предикативной функции) и прилагательных-наречий (включая адъективные местоимения и непредикативные причастия). Для 25 вошедших в этот корпус стихотворений от Ломоносова до Тютчева (условно, «классицизм») суммирующая доля субстантивов оказалась равной 41,8%, для 25 текстов от Бенедиктова и Лермонтова до раннего Блока («романтизм») — 40,8%, для 25 от позднего Блока до Ходасевича («пост-символизм») — 41,5%, для 25 последних («большая современность») — 42,7%; доли глаголов для этих же четвертей, соответственно — 22,15%, 22,5%, 21,6% и 20,9%; доли прилагательных и наречий — 27,65%, 27%, 27,2% и 25% (остальное — служебные части речи). Материал был снова переработан по (казалось бы, практически irrelevantному для грамматики) общеметрическому принципу, и ямбы (45 стихотворений из 100) дали доли в 41,6%, 21,4% и 27,7%, хорей (21) — в 42,7%, 22,3% и 25,6%, трехсложники (13) — в 40,8%, 20,9% и 28,5%, а несиллаботонические размеры (21) — в 41,9%, 23,4% и 25,4% соответственно. Впрочем, большие тексты из исследованного корпуса (Ода Ломоносова 1717 года, «Фелица» Державина, «Сельское кладбище» Жуковского, «Осень» Баратынского, «Юбилейное» Маяковского, «Это я» Ахмадулиной) демонстрируют столь же солидарные результаты (в то время как данные по небольшим текстам могут варьировать очень значительно).

Таким образом, пока не обнаружен «фальсифицирующий», противоречащий гипотезе, материал, есть основания считать, что (в слоговом исчислении) ~42% субстантивов, 21–22% глаголов и ~27% прилагательных и наречий — на уровне корпусов, даже небольших — некая константа русской поэтической речи. Возможно

также, что это особенность русского языка как такового, соблюдающаяся и за пределами поэзии, но едва ли в любых текстах и любых дискурсивных традициях: различия в количественной грамматике между разными функциональными стилями выявлены достаточно надежно.

Подсчеты на разнообразном материале могут выявить и иную тенденцию: не константность, а расхождения и эволюцию. Так, например, довольно сильным маркером поэтических эпох, жанров и авторских манер представляется количество оборотов с беспредложным приименным родительным падежом типа *память сердца*. В принципе русская речь может обходиться почти совершенно без этих оборотов (по-видимому, наиболее их трудноустранимой разновидностью являются обороты с количественным значением), так что неудивительно, что в поэтической традиции есть некоторые зоны их незначительного или даже минимального присутствия: таким фоновым показателем можно считать один оборот подобного типа на 100 слогов поэтического текста. В целом к этому стандарту тяготеют тексты: 1) предназначенные для детского чтения; 2) стилизующие фольклор, народную речь и просторечие; 3) собственно нарративные, чуждые медитативного и риторического элемента, прежде всего басни и большинство баллад; 4) в значительной степени — относящиеся к середине и второй половине XIX века. Напротив, манера поэтического изложения, сложившаяся в оде XVIII века, продолжаемая в элегии и послании романтической эпохи, переходящая в философскую и медитативную лирику раннего пост-жанрового периода, использует эти обороты гораздо — в два-три-четыре раза — более щедро. В целом на сегодня полуторавековая диахрония частотности генитивных оборотов представляется следующей: умеренное, но заметное, приблизительно равномерное у разных авторов присутствие в поэзии второй половины XVIII века; нарастание их количества к рубежу XVIII и XIX веков, в том числе у позднего Державина, у Жуковского — в элегиях, песнях, античных по тематике хореических балладах из Шиллера, но не в основном массиве баллад; кульминация в творчестве Батюшкова (*служитель алтарей // Богини неги и прохлады* — три оборота, вложенных один в другой! — и общая частота до 4 оборотов на 100 слогов) и некоторых близких ему поэтов, включая Ивана Бороздну как переводчика; некоторый спад — то до уровня рубежа столетий, то до норм XVIII века — в поэзии Пушкина и его поколения; постепенное накопление у зрелых и поздних романтиков жанровых, стилевых, идиостилевых областей, практически свободных от генитивных оборотов; новое обращение к ним в эпоху символизма с последующим образованием и новых кульминаций в их использовании — к числу этих несхожих кульминаций относятся венки сонетов Волошина и «кубистические» стихи раннего Маяковского. Если для церковнославянского и древнерусского, где подобные обороты тоже используются, более или менее очевиден греческий языковой подтекст, то для русского XVIII-XX веков, помимо влияния церковнославянского, можно предположить французское или даже — учитывая, например, роль Ломоносова — немецкое (Ф. Б. Успенский, устное сообщение) языковое влияние; анализ русских переводов-переложений оды Ж.-Б. Руссо, элегий Жильбера и Мильвуа показывает, впрочем, что русские переводчики практически полностью независимы

от конкретных конструкций подлинника (во французском обороты с *de* и под.) и если «считывают», то только наличие модели как таковой.

Одна из наиболее ярких закономерностей, выявляемых количественной грамматикой поэтического текста (КГПТ), как предложено называть обсуждаемую область наблюдений, оказывается эволюция стандартных соотношений личных глагольных форм в поэтическом тексте. Эти стандарты касаются не лица, числа или рода, а в первую очередь времени и склонения глагола. Выделяются пять общих позиций: три времени изъявительного склонения, повелительное склонение и сослагательное склонение (к которому иногда имеет смысл прибавлять и некоторые глагольные обороты с ирреальным значением и дополнительными материальными маркерами, вроде частицы *da*).

Неудивительно, что именно распределение форм глагола представляет наглядный и, хочется надеяться, убедительный материал. Во-первых, глагол в текстах в значительно большей мере, чем имя, склонен к серийности. В упрощенной модели глагол занимает в предложении позицию сказуемого, а имена заполняют позиции актантов. В достаточно разветвленных предложениях разнообразные актанты стоят в разных падежах, а использование различных форм числа и рода требуется большинством описываемых предметных ситуаций. Напротив, положение дел, при котором глаголы соседних предложений, нескольких или многих, стоят в одинаковых грамматических формах, достаточно обычно (хотя, конечно, и не обязательно) для повествования, описания или рассуждения. Во-вторых, имя в своих грамматических проявлениях в меньшей степени зависит от предметной ситуации и особенностей конструкции. Падеж диктуется синтаксисом, род имени существительного, за пределами обозначения женщин и мужчин, самок и самцов, практически произволен. Но склонение, время и лицо глагола — предметные категории. Тематическое единство текста, скорее всего, никак не скажется на количественном распределении именной грамматики, но весьма вероятно, что оно затронет глагольную грамматику. Тексты различной тематики, если нет других факторов, должны быть близки по подбору граммем имени — но могут различаться соотношениями в области глагола. В-третьих, глагольная грамматика предоставляет пишущему большую свободу выбора. Перевод, например, нарратива в настоящее время из прошедшего или в перволичную форму из третьеличной — довольно обычная процедура, используемая даже при обучении, а редактирование текста, например, с целью (резкого) возрастания доли форм мужского рода или дательного падежа — достаточно экстравагантное и сложное для исполнения поручение. По всем этим причинам некоторые предпочтения в области глагольной грамматики, свойственные разным авторам, эпохам, стилям или жанрам, действительно могут существовать. Напротив, если бы их не было, если бы все частные, локальные предпочтения гасились бы усредняющей логикой языка, в который было бы заложено стандартное соотношение глагольных форм, сказывающееся на достаточных объемах текста, это было бы удивительно.

Точкой отсчета может быть выбрана ломоносовская торжественная ода. В истории русской поэзии трудно припомнить другую подобную группу текстов, которые

бы принадлежали одному автору; относились бы к одному жанру, причем не только номинально, но и по сути, обнаруживая такую высокую меру семантического, поэтического, стилистического единства; находились бы в самой сердцевине поэтической эволюции (тем более для эпохи самого рождения новой русской поэзии) относились бы к эпохе, охватывающей четверть века, причем были бы распределены по ней относительно равномерно; наконец, образовывали бы замкнутый, четко ограниченный, исчерпывающий корпус. В текстах 20 торжественных од Ломоносова было обнаружено немногим более 2700 личных форм глагола (из осторожности здесь приводятся приблизительные результаты. Точные можно найти в специальных статьях автора, см. библиографию в: Двинятин 2015). Из них более 1370 — формы настоящего времени, более 580 — прошедшего, более 240 — будущего, более 420 — повелительного наклонения и около 100 — другие формы, в основном сослагательного наклонения. Во всех двадцати текстах самыми употребительными являются формы настоящего времени: общая их доля по двадцати одам равна приблизительно 50,5%, но к концу творческого пути доля презенса среди личных форм глагола снижалась у Ломоносова с 55% — огрубленный результат по 13 первым одам — до 41% — по 7 последним — то есть на четверть. Самой заметной чертой эволюции количественной грамматики глагола в одах Ломоносова оказывается возрастание доли и роли форм повелительного наклонения, более или менее постепенное и не возмущающее общих контуров глагольной системы, и все же значительное: в одиннадцати первых одах средняя доля императива среди личных форм — 11,5%, а в девяти последних — 21%: возрастает почти в два раза. Напротив, диахрония форм прошедшего времени в целом следует принципу единообразия: процент претеритов практически не изменяется по большим периодам ломоносовского творчества: по всему корпусу торжественных од он равен 21%, по первой их половине (10 од) — 21% и по второй половине (следующие 10) — тем же 21%; это не исключает, разумеется, колебания, иногда более резкого, от одной оды к другой, но какого-либо направления у колебаний по претериту, таким образом, нет.

Из Державина было обчислено десять од 1779–1799 годов написания, девять торжественных и духовная ода «Бог». По употреблению финитных форм глагола десять рассмотренных од Державина легко классифицируются на три следующих группы. Первую составляют относительно ранние тексты (1779–89): «На смерть кн. Мещерского», «Фелица», «Бог» и «На счастье». Их определяющей чертой является резкое преобладание настоящего времени; несколько упрощая, можно сказать, что эти оды написаны в настоящем времени с некоторым прибавлением других личных форм глагола (с огрублением до процента, доли форм прошедшего и настоящего времени равны 18/66, 9/83, 17/67 и 8/72 соответственно). Вторая представлена единственным текстом, «Изображение Фелицы». Он отмечен беспрецедентным преобладанием форм сослагательного наклонения; побочной чертой оказывается повышенная роль императивов. Третью группу образуют более поздние тексты: «На взятие Измаила», «На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского», «Водопад», «На возвращение гр. Зубова из Персии»

и «На переход альпийских гор». Их глагольную основу составляют формы настоящего и прошедшего времени, с регулярным, но не слишком резким преобладанием форм настоящего; опять-таки упрощая, можно было бы сказать, что они написаны в настоящем и прошедшем временах, в приблизительном соотношении их форм 4 : 3 (доли форм прошедшего и настоящего 28/39, 36/46, 39/51, 28/50, и 35/51 соответственно). По большей части эти формы настоящего и прошедшего времени в одах третьей группы не распределены по всему тексту в относительно равномерном чередовании, а, напротив, большая часть как одних, так и других форм сосредоточена в таких фрагментах, где эти формы либо преобладают, либо представлены вообще исключительно.

Сравнение Ломоносова и Державина на уровне корпусов (20 и 10 од соответственно; у Державина более 1560 личных глагольных форм, более 360 прошедшего, 770 настоящего, 100 будущего, 140 повелительного и 180 сослагательного наклонения) позволяет заключить: чрезвычайно схожи у обоих поэтов доли настоящего и прошедшего времени: настоящее занимает у Ломоносова 50,6% от всех личных форм глагола, а у Державина 49,5%, прошедшее — 21,4% у Ломоносова и 23,5% у Державина: можно сказать, что будущее время и императив (формы, размыкающие описательно-повествовательную основу оды в предсказание и обращение) оказываются востребованы у Державина в меньшей мере, чем у Ломоносова — более чем в полтора раза. Эта черта особенно заметна на фоне неуклонного повышения доли императива у Ломоносова: державинским 9% у позднего Ломоносова соответствует даже не 15,5%, а 21%: если Ломоносов «завещал» русской оде возрастание роли императива, то Державин этого завета не исполнил.

«Одический стандарт» — около половины форм настоящего времени и немногим менее четверти прошедшего — возможно, сформировался не менее чем за полвека до Ломоносова. В 24 панегирических «приветствах» «Гусли доброгласной» (1676) Симеона Полоцкого среди около 850 личных форм глагола более 360 относятся к настоящему времени (43%) и около 210 — к различным видам прошедшего: аористу, имперфекту и формам с суффиксальным *-л-* (25%). Будущего времени у Симеона немного больше, чем у крупнейших поэтов следующего столетия (почти 12%), а суммарная доля неизъявительных наклонений и близких к ним по значению оборотов дает у Ломоносова 19,1%, у Державина 20,5%, у Симеона 20,5%.

Все меняется с наступлением XIX века. В «Опытах в стихах и прозе» Батюшкова без «Странствователя и Домоседа» (большой нарратив; но его прибавка практически не изменила бы итоги) около 1650 форм спрягаемых глаголов; приблизительно 41% относится к прошедшему времени, 34,5% — к настоящему. «Опыты» демонстрируют и жанровую однородность поэзии Батюшкова: в примерно равных по объему разделах «Элегии» и «Послания» плюс «Смесь» (без «Странствователя...») прошедшее время дает соответственно 41% и 40%, настоящее — 34% и 35% (так же близки в двух частях батюшковского корпуса доли будущего времени — 12–14% и императива — 10%). У Пушкина обчислены 100 избранных стихотворений 1814–36 гг., содержащие около 2400 личных форм глагола, из них 39,5% прошедшего и 37% настоящего; у Лермонтова — 50 избранных

стихотворений, преимущественно 1836–41 годов, в которых более тысячи спрягаемых глагольных форм и из них около 41 % форм представляют собой прошедшее время, около 39 % — настоящее. Близок Лермонтову и Бенедиктов (48 стихотворений, составивших сборник 1835 г., с учетом авторской правки за несколько последующих лет; более 1000 форм — любопытно, что у Пушкина, Бенедиктова и Лермонтова совпал, по обсуждаемым подсчетам, средний объем стихотворения — 22–24 спрягаемые глагольные формы) — 41 %, как у Лермонтова, прошедшего времени и 36,5 % настоящего. Не слишком разнятся данные и по Тютчеву (100 стихотворений 1825–50 годов, от «Проблеска» до «Русской женщине»; около 930 форм) — 44,5 % прошедшего времени и 40,5 % настоящего. Существенно отличаются данные только по Баратынскому («Сумерки» полностью и примыкающая к ним поздняя лирика) — более 500 форм, 34 % прошедшего времени и 40 % настоящего. Таким образом, в кругу поэтов первой половины XIX века показатели по долям прошедшего и настоящего времени приблизительно по 40 %, форм прошедшего времени на 2–3 % больше: таков, условно говоря, «романтический» стандарт. Подсчеты по Жуковскому дают расходящиеся результаты по разным жанрам (большим элегиям; «песням»; посланиям; «обычным» балладам; античным балладам, написанным Х4, в основном из Шиллера), их непросто объединить, потому что трудно опереться на какой-либо надежный корпус, устанавливающий именно количественные соотношения текстов разных жанров; впрочем, «навскидку» можно предположить, что суммарные данные по Жуковскому не разойдутся с другими поэтами 1801–44 годов. Будущего времени у этих поэтов столько же, сколько у предшественников, или немного больше (12,5 % у Батюшкова, 11,5 % у Пушкина, 10,5 % у Лермонтова, 13 % у Бенедиктова, 15,5 % — много! — у Баратынского, но только около 7 % у Тютчева), данные по повелительному наклонению скорее державинские, чем ломоносовские — (у Батюшкова и Пушкина — по 10 %, у Лермонтова 7,5 %, у Баратынского — 8 %, у Бенедиктова — 7 %, у Тютчева — 6 %), а по сослагательному — совсем незначительные (ирреальные наклонения отходят в тень).

Можно предполагать, что «романтический стандарт», основная особенность которого — небольшое, но устойчивое преобладание форм прошедшего времени глагола над формами настоящего — удерживается в русской поэтической традиции до 1960-х годов. О причинах пока можно только гадать: свершившаяся к началу XIX века стилевая реабилитация формы прошедшего времени на -л-, которой одические поэты еще отчасти чурались как профанной? нарративизация романтической поэзии (но Батюшков и Тютчев с такими же показателями)? влияние эгического культа прошлого, автобиографической исповедальности? Как бы то ни было, более полутора веков спустя наблюдается «рванши» одического стандарта.

У Бродского подсчитаны сборник «Часть речи» (полностью) и первая часть «Урании», в которых отмечено более 1710 личных глагольных форм. Из них около 400 форм прошедшего времени, что составляет ~23 % (25 % в «Части речи», 19 % в первом разделе «Урании»), более 950 форм настоящего — ~56 % (55 % и 58 % соответственно), почти 200 формы будущего, это 11 % (12 % и 10 %), около 90 форм

повелительного наклонения, чуть больше 5% (по 5%) и 80 форм сослагательно-го, чуть меньше 5% (3% и 8%). Таким образом, соотношение долей трех времен индикатива и двух ирреальных наклонений в поэзии Бродского среднего периода равно 23%-56%-11%-5%-5%.

Предварительные подсчеты по главным поэтам эпохи, предшествующей взрослению Бродского — поздней Ахматовой, позднему Пастернаку, позднему Заболоцкому, Мартынову, Слуцкому (Гвардовский в основном эпик, Тарковский начинает печататься очень поздно) — показывают, что у них доля среди финитных форм глагола прошедшего времени держится около 50% (у Ахматовой и Пастернака возрастая к позднему периоду), а доля настоящего колеблется от 30% (Пастернак) до 39% (Слуцкий; данные по Мартынову чуть менее надежны). В обесчитанной «Треугольной груше» (1962) Вознесенского обнаруживается довольно похожая на ту, что у Бродского, доля прошедшего времени — 24% (и у того и у другого — вдвое меньше, чем у старших современников), и еще большая, чем у Бродского, доля настоящего времени (64%). Полуофициальный неоавангард Вознесенского существенно больше похож на безоглядную поэзию презенса, чем архаизирующий модернизм Бродского. Есть основания считать, что такой сдвиг в глагольном стандарте характерен и для некоторых других поэтов 1960-х годов.

В заключение можно отметить, что подсчеты по стихотворному эпосу тоже могут быть небезынтересны и нетривиальны. Они показывают, например, что в пушкинских поэмах 1820-х годов соотношение прошедшего и настоящего времени держится около 50/50: 53–54% прошедшего в «Кавказском пленнике» (без эпилога) и «Цыганах», 47% в «Бахчисарайском фонтане» и 49% в «Полтаве» (причем с довольно схожими показателями по всем трем разделам). Понятно, что настоящее время здесь объединяет настоящее историческое повествования и настоящее речевое диалогов и повествователя, но *praesens historicum* и впрямь отличается большой активностью. Кульминации этот принцип достигает в «Графе Нулине» с его резким преобладанием настоящего над прошедшим в нарративе. Пушкин мог унаследовать эту модель не только из общего разрозненного опыта использования настоящего исторического в XVIII веке, в том числе русскими авторами (неопубликованные результаты С. О. Леоненко показывают активность настоящего исторического в русской прозаической сентиментальной повести конца XVIII века), но и — если не в первую очередь — от любимого Вольтера (Дж. Р. Садуллаева, устное сообщение). Напротив, в поэмах 1830-х годов соотношение прошедшего и настоящего (следует напомнить, что в этих пушкинских подсчетах речь идет только о соотношении двух этих времен) колеблется около 75/25: 72–73% прошедшего в «Анджело» и «Медном всаднике», более 77% в «Домике в Коломне» — при всем его огромном не-нарративном вступлении. Любопытный материал может представлять и басня (по неопубликованным подсчетам А. С. Сметиной, доля презенса в баснях Сумарокова, Хемницера и Крылова одинаково равна 35–36% от общего количества личных форм глагола; у Сумарокова и Крылова также совпадают доли прошедшего (45%), будущего (9–10%) и императива (7–8%) — данные по будущему и императиву близки к среднепоэтическим.

Таким образом, количественная грамматика поэтического текста — особенно, если подсчеты будут продолжены, расширены и хотя бы отчасти автоматизированы — способна дополнить, поддержать и оттенить выводы, полученные при углубленном поэтико-грамматическом анализе отдельных текстов («грамматика поэзии» Р. О. Якобсона: Якобсон 1961/1983, и др.) и при исследовании языковой специфики текста стихотворного («лингвистика стиха» М. Л. Гаспарова и Т. В. Скулачевой: Гаспаров, Скулачева 2004, и др.); может она внести вклад и в исследование закономерностей существования поэтической традиции — понимаемой одновременно как поэтический язык, но с учетом его эволюции, и как историческая поэтика (языковых уровней, стиха, нарратива и межтекстовых связей), но с возможностью представления в качестве тезауруса, становящегося и отчасти ставшего.

Литература

Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004, 288 с.

Двинятин Ф. Н. Количественная грамматика и поэтика личных форм глагола в «Гусли доброгласной» Симеона Полоцкого // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. Vol. 4. No. 1. 2015. С. 159–169.

Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии [1961] // *Семиотика*. / отв. ред. В. С. Расторгуева. — М., Прогресс, 1983. С. 462–482.

F. N. Dviniatin

Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)
f.dvinyatin@spbu.ru

THE QUANTITATIVE GRAMMAR AND POETICS OF FINITE VERBS IN THE RUSSIAN POETIC TRADITION

The paper offers data on the quantity and structure of finite verbal forms in Simeon Polotsky's collection *Gusl' Dobroglasnaia*, twenty epinician odes by Mikhail Lomonosov and ten odes by Gavriil Derzhavin. We find about 850 finite forms in Simeon's collection, about 2700 in the odes by Lomonosov and about 1560 in the odes by Derzhavin. The percentages of past tenses in Simeon's, Lomonosov's and Derzhavin's texts are similar (25.1%, 21.4% and 23.5%, respectively), and the same is true for the percentages of non-indicative moods (20.5% vs. 19.1% and 20.5%). Simeon Polotsky's texts contain fewer present tense forms than those written by the 18th-century poets (42.8% vs. 50.6% and 49.5%), but they contain more future tense forms (11.6% vs. 8.9% and 6.5%). The results are compared to data from Konstantin Batyushkov's *Essays in Verse and Prose* (without *The Wanderer* and *The Home-Lover*, ~ 1650 finite verbs), 100 poems

by Alexander Pushkin (~2400 verbs), 50 poems by Mikhail Lermontov (~1000 verbs), 100 poems by Fyodor Tyutchev (~930 verbs), Vladimir Benediktov's collection of 1835 (~1000 verbs). The XIXth century texts contains about 40% past tense forms: 41%, 39.5%, 41%, 44.5%, 41%, respectively. The percentages of present tense are also similar: 34.5%, 37%, 39%, 40.5%, 36.5%, respectively. We find about 1710 finite verbal forms in Iosif Brodsky's poems (*A Part of Speech* and the first part of *To Urania*), the percentage of past and present tenses is close to the parameters appearing in Lomonosov's and Derzhavin's texts: 23% and 56%, respectively.

Keywords: Grammar, poetics, structure of text, verb, poetry, quantitative grammar of poetic text.

References

Gasparov, M. L., Skulacheva T. V. *Stat'i O Lingvistike Stiha* [Articles on Verse Linguistics]. Moscow: Jazyki slavianskoj kul'tury. 2005. 288 c. (In Russ.)

Dviniatin F. N. [The Quantitative Grammar and Poetics of Finite Verb Forms in the Gusl' Dobroglasnaia by Simeon Polotsky], *Slověne = Словѣне*. International Journal of Slavic Studies, vol. 4, No. 1, 2015, pp. 159–169. (In Russ.)

Jakobson R. *Poeziya grammatiki i grammatika poezii* [Poetry of grammar and grammar of poetry], *Semiotika* [Semiotics], Moscow, Progress, pp. 462–482. (In Russ.)